

«Я ЛЮБЛЮ ИГРУ В ЛЮБОМ ПРОЯВЛЕНИИ»

Александр Абдулов может простить женскую измену только тогда, когда сам в ней виноват

Независимая 203 - 200 1 - 14 см. - с. 9

С Александром Абдуловым мы встретились в Архангельске на Втором фестивале телевизионных фильмов «Споллохи». На этот раз известный актер выступил уже в качестве режиссера. На суд зрителей Абдулов вынес свой первый фильм «Бременские музыканты», премьеры которого состоялась в Москве в Доме кино. Появился он не один, а в сопровождении своих актеров: Дмитрия Марьянова и Александра Коржакова. Последний был оживлен и часенко вклинивался в нашу беседу.

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ, теперь вы известны не только как актер, но и как режиссер. На премьеры фильма «Бременские музыканты» у вас был взгляд человека, который переполнен адреналином. Какие чувства вы испытывали в тот вечер в Доме кино, находясь на сцене и в зале?

А.А.: Как вы думаете, что я мог чувствовать, когда сначала набился один зал, затем второй зал, а потом я увидел людей, которые не смогли даже на ступеньках сесть? Был какой-то ужас! Я был просто в панике, в шоке!

— Представляя зрителям творческую труппу, вы сказали, что от волнения часть имен позабыли, и Георгию Мартиросяну пришлось самому называть свое имя. Это была шутка или вы действительно забыли?

А.А.: Нет, все было серьезно. Я просто забыл.

— О чем вы думали, когда смотрели фильм вместе со зрителями?

А.А.: Я думал о том, сколько можно было бы переделать, если бы у меня была сейчас возможность. Но ее, к сожалению, уже нет. (*Вздыхает.*) Два месяца назад мне казалось, что я правильно все сделал, а сейчас я смотрю и понимаю, что многое можно было сделать по-другому.

— Сегодня в киноцентре Архангельска прошел второй показ «Бременских музыкантов», во время которого вы сидели в зале и смотрели фильм. По вашим наблюдениям, реакция на фильм местной публики отличалась от реакции столичного зрителя?

А.А.: Из-за того, что в Доме кино была киношная публика, то она со смехом и аплодисментами восприняла кадр из прошлого фильма Анастасия Вертинской, в котором она играла Ассоль. А здесь кто это помнит? В остальном же отличий в восприятии не было.

Александр Коржаков: Я привозил на первый показ детей из Тулы. Это были дети из неблагополучных семей, много брошенных. Они были просто в восторге от фильма.

А.А.: А вообще Дом кино — это самый чудовищный, самый страшный зал. Приходят коллеги и говорят: «Ну, ну. И что ты нам сейчас покажешь? Посмотрим, давай!». И то, что так вот принимали картину, для меня было потрясением. Я был просто в шоке.

— На премьеры зал был набит до отказа. Мне, как и многим, пришлось сидеть на ступеньках. Как вы думаете, ожидания зрителей оправдались?

А.А.: Оценки совершенно разные: кому-то понравилось, кому-то не понравилось, а кому-то очень понравилось.

А.К.: А мне кажется, что многие критики хотят всю труппу поспорить между собой. Они говорят, что все актеры в фильме плохо играли. Ну ладно, это можно еще сказать про Полину Ташеву или про сына Янковского — они дебютанты. Но профессиональные актеры, я считаю, играли хорошо.

— Режиссерская профессия кажется многим более престижной, чем актерская. Это заблуждение?

А.А.: Кто-то сказал замечательную фразу, что режиссер — это не профессия, это образ мышления. Это замечательно. Есть ремесленники, а есть люди, которые начинают понимать что-то особенное.

— А вы считаете себя ремесленником?

А.А.: Я себя еще никем не считаю. Это моя первая проба.

— Что теперь для вас более легко: когда вас называют актером или режиссером?

А.А.: Только актером. Я еще не режиссер, я только собираюсь им быть.

— С чем связано то, что жанр вашего первого фильма — это сказка?

А.А.: Вы знаете, хотелось чего-то такого доброго, теплого, светлого. Душа просила красивого.

— В каком возрасте у вас появилась тяга к красивому?

А.А.: Меня всегда тянуло к красивому. Да, можно было взять сюжеты: две проститутки и сутенер или два новых русских застрелили третьего. Но это не ответ на вопрос — почему? Я даже не могу на него ответить. Это на уровне ощущения, на уровне подкорки, на уровне подсознания. Просто хотелось.

— Сказка — не совсем взрослое кино. На какого зрителя вы ориентировались, размышляя над фильмом?

А.А.: Мне понравилось, что я угадал данные, полученные при социологических исследованиях, которые проводили после просмотра фильма. Оказалось, основной зритель — это от 12 до 25 лет и выше.

— То есть фильм для молодого поколения?

А.А.: Ну да. Я хотел снять чистое, прозрачное кино. Где хорошая мысль, где хорошие съемки, где красивые декорации, лица. Я устал от чернухи.

— А говорят, сказки любят либо дети, либо люди за...

А.А.: Не говорите этого. Если человек не любит сказку... Я боюсь сейчас сказать, что он плохой человек. Но сказка все равно присутствует в человеке.

Она — потребность. Когда мы ложимся в постель и начинаем мечтать — мы сказочники. Сказка — это воплощение мечты. Вот Емеля сидел себе, сидел и думал: «Как бы мне поймай сейчас щуку». А потом — печка поехала, и все замечательно. Или Жар-птицу дернул за хвост — и все получилось. (*Смеется.*)

— Что для вас было самым неожиданным в новой для вас роли — роли режиссера?

А.А.: Самым неожиданным был монтаж. Это было для меня впервые, и меня все отговаривали: «Ты что, Саш, с ума сошел?» У меня же было 28 вариантов!

Сергей Жигунов и Александр Абдулов — Александру Коржакову: «Нашего полку в кино прибыло». Фото Николая Гнсюка

— Говорят, что чем больше вариантов, тем труднее выбрать.

А.А.: А это очень сложно. Мне Соловьев говорит: «Да ты режь!» У меня был фильм продолжительностью 4 часа 40 минут, потом я сделал 3 часа, а затем 2 серии по полтора часа. И каждый раз он мне говорил: «Режь!» Сначала я резал крохами, а потом начал блоками. Тем не менее уже все сделано. Сейчас картина заживет отдельно от меня жизнью. Это в театре сегодня я могу сыграть так, а завтра по-другому. А в кино уже все — снято.

— В «Бременских музыкантах» снялись две очаровательные и известные женщины — Полина Ташева и Анастасия Вертинская. На первую зрителя смотрели как на красивую куклу, а вторую зал рукоплескал. Что повлияло на ваше решение утвердить их на роли?

А.А.: Вы знаете, принцессу я очень долго искал. А потом мне один замечательный человек сказал: «Сколько лет Барби?» (в тот момент у меня были уже отобранные молоденькие девочки с косичками). Я не пошел и пошел к знакомым, где была Барби. Посмотрел на куклу — ей за 20! Она не принцесса. И вот тут я понял, что принцесса должна быть не маленькой девочкой. Что делать? Надо женщину, нужно женское начало! В Полине это есть. А Вертинская — она вообще феноменальная актриса. Она не ожидала такого предложения. Но когда прослушала фонограмму, то загорелась: «Давай, давай! Я хо-

чу это делать!» Настина героиня мне представлялась так: некая Мерилин Монро, которая приехала в войска. Я хотел, чтобы она была очаровательной. Вот она, бывшая Ассоль, которая обиделась на весь свет, расплакалась и ушла в атаманши. (*Смеется.*) Она сказала: «Ну нет любви на свете!», а потом прикутила 13 лилипутов и стала потихонечку грабить, по-доброму.

— А правда, что Борис Зосимов, спонсируя ваш фильм, выдвинул главное условие — утверждение его жены на роль принцессы?

А.А.: Это неправда. Больше того, я спонсировал его семью, потому что Полина получала деньги за съемку. Так что тут скорее спонсирование мной Зосимова. (*Смеется.*) Зосимова я уже знаю около 30 лет, но не знал, что Полина его жена, когда ее утверждал. Я увидел ее в журнале и попросил своего ассистента: «Найди мне эту девочку!» Я был уверен, что она нерусская. А когда она пришла, то я увидел абсолютно серую мышь. Даже расстроился, но на всякий случай сказал фотографу: «Ладно, сними ее». Он снял.

А.А.: Мне за него отвечать.

— В одном из интервью вы сказали, что профессия режиссера оказалась для вас весьма трудной и выжала из вас все соки. Как вы думаете, у вас появились когда-нибудь второе дыхание для съемок следующего фильма?

А.А.: Как только у меня оно появится, я обязательно вам позвоню и скажу, что у меня по-

явилось второе дыхание. (*Смеется Коржаков.*) А пока я на издохе, на подсосе, на втором бацке.

— Что у вас получилось и что не получилось в «Бременских музыкантах»?

А.А.: Пусть это решают критики. Вот один человек нам на полном серьезе говорил: «А что, Пуговкин Ельцина играл?» (*Смеются с Коржаковым.*)

А.К.: Меня то же самое спрашивают постоянно.

А.А.: У меня даже в голове этого не было, а у кого-то: «А, если Коржаков, значит царь — это Ельцин. Ага!» Каждый видит в меру своей испорченности.

— Для вас кино — это духовный опыт, который делает человека лучше, или это замечательная, опасная игра, но все-таки игра?

А.А.: Это, конечно, игра. Игра в воображение. Я понимаю, что можно сделать целью осеминить, одухотворить. Но имеешь ли ты на это право? Сможешь ли ты это сделать? Это хорошо, если картина вышла и людям после нее стало хорошо и спокойно. Может быть, кто-нибудь и может это запланировать, но я не могу. Я знаю так: у меня был сценарий, а уж насколько все это дойдет до людей — это мера таланта.

— Что доброго вы сделали как режиссер?

А.А.: То, что не стал снимать сразу второй фильм. Не столько для себя, сколько для своих друзей. (*Смеется вместе с Коржаковым.*)

— Степень известности является мериллом таланта?

А.А.: Нет. Как вообще определить талант? Вам кажется, что человек талантлив, а мне так не кажется. Есть ряд актеров, про которых говорят, что они гении, а мне кажется, что они ноли. И наоборот. Кого что греет. Талант — это труд, пот. Надо работать очень много.

А.К.: А известность сейчас покупается.

— Вы сами себе интересны?

А.А.: Мне с собой никогда не скучно. Вот сяду перед зеркалом, бывало, как начну с собой разговаривать, как начну себя ругать... (*Смеется с Коржаковым.*)

А.К.: А потом танцевать начинает.

— Говорят, что формула успеха фильма никому не известна. Но каждый, снимая фильм, стремится к этому. Не поделитесь, что вы делали для этого?

А.А.: Я знаю, что у Спилберга есть такая формула: если первые 5 минут ты не заинтересовал зрителя картиной, то дальше ты не возьмешь зрителя. Мне известно, что американцы строят диаграмму, где вычисляют, что будет через каждые 10 минут, условно говоря. Но у нас другое кино. У американцев оно математическое: геометрия и алгебра, все вместе взятое. А у нас главное — это душа. Почему одна и та же скрипка великолепно звучит у одного, а у другого не звучит? А ведь то же самое: струны и дерево. Если говорить про мою картину, то формула успеха — это очень хорошая музыка, хорошее изображение, костюмы и в первую очередь хорошие артисты. Я бы здесь на неизвестных артистах не продержался. Здесь нужны были знаковые лица. Можно, конечно, было дать подоплеку, что Коржаков играл Берю, который замыслил переворот, а Пуговкин играл Ленина. Полина Ташева — Крупская, а все бременские музыканты — декабристы. И принцесса поехала за возлюбленным как жена декабриста. Но ради чего?

— А как воспринял Александр Васильевич Коржаков ваше предложение сняться в фильме?

А.А.: Он сначала смеялся.

— Вы разговаривали с ним лично или по телефону?

А.А.: Лично. Но у меня не было даже сомнений, кто должен был играть. Я это решил с первого раза.

— Как вы считаете, актер вправе сказать: «Роль мне интересна, играть ее буду, но режиссера придется сменить?»

А.А.: Он вправе сказать, но я не думаю, что это возможно. Бывает, конечно, что я хотел бы эту роль, но другого режиссера. На Западе это реально, у нас — нет. Ты имеешь право выбора, а это уже другое дело.

— Кто должен больше зарабатывать — артист или режиссер?

А.А.: Больше должен зарабатывать талантливый человек.

— Как-то вы сказали: «Жизнь одна, хочется все попробовать». А есть ли что-нибудь такое, что вы не успели попробовать, но очень бы хотелось?

А.А.: Жизнь все время что-то предлагает, это уже не от меня зависит. Вдруг я полетел ни с

того ни с сего на Северный полюс. Сейчас я ездил к морю охотиться. Это никто в мире не может делать, а я ездил. Мир так богат, что все время будет что-то открывать.

— Во многих фильмах вы играли привлекательных и соблазнительных мужчин. А в жизни вы ощущали себя таковым?

А.А.: Тяжело сказать. Я себя уродом никогда не считал, а об остальном — это судить женщинам. Вот как вы считаете, так я и буду думать. Я нормальный мужик в жизни.

— В какие годы вы чувствовали свою наибольшую востребованность?

А.А.: Я до сих пор чувствую востребованность. А если говорить о графике, то кривая (*плечет через плечо и стучит по дереву*) идет пока равномерно, без больших взлетов, сопровождающихся такими же большими падениями. В 20–30 лет был скачок, сейчас тоже скачок, даже думаю, что интересней, так как предложения серьезнее.

— Вот вы играли в фильме Янзана «Тихие омуты». Для вас это было серьезное предложение?

А.А.: Думаю, что это хорошая картина.

— А говорят...

А.А.: Пусть говорят. И что дальше теперь? Я не жалею, что снялся в этой картине.

— Что вы считаете аморальным в отношениях мужчины и женщины?

А.А.: Хамство, лицемерие, пошлость, грубость.

— А с чьей стороны прежде всего?

А.А.: И с той, и с той.

— Вы азартный человек и любите играть в казино. А в жизни вы игрок?

А.А.: Я люблю игру в любом проявлении. Жизнь — это игра. Но я встаю утром не для того, чтобы играть. Жизнь сама предлагает мне варианты, и я их использую.

— Вы можете простить женскую измену?

А.А.: Думаю, что да.

— В любом случае?

А.А.: Нет, не в любом. А только когда я в ней виноват.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Александр Гаврилович Абдулов родился 29 мая 1953 г. в Тобольске. В 1975 г. окончил актерское отделение ГИТИСа, курс И.М. Раневского, после чего был приглашен главным режиссером «Ленкома» Марком Захаровым в труппу. С тех пор имя Александра Абдулова неразрывно связано с театром Захарова. Артист широкого творческого диапазона снялся в фильмах: «Обыкновенное чудо», «Самая обаятельная и привлекательная», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тайны мадам Вонг», «Гений», «Странные мужчины Семеновской Екатерины» и др. Режиссер фильма «Бременские музыканты».